

ЛОВУШКИ МЕГАПОЛИСА

ГОРОДСКОЙ ДЕТЕКТИВ

**Читайте
остросюжетные романы
РИНЫ ОСИНКИНОЙ
в серии
«Ловушки мегаполиса»:**

Убить админа

Опасный винтаж

Обратный счет любви

ЛОВУШКИ МЕГАПОЛИСА / ГОРОДСКОЙ ДЕТЕКТИВ

Обратный счет любви

РИНА
ОСИЖКИНА

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
0-73

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Осинкина, Рина.

0-73 Обратный счет любви / Рина Осинкина. – Москва : Эксмо, 2020. – 320 с. – (Ловушки мегаполиса. Городской детектив).

ISBN 978-5-04-111723-8

Надежда Киреева, дама необычайно активная и самоуверенная, не могла пройти мимо беды – ее золовку Инну обвинили в убийстве девушки. Надя решила помочь родственнице спасти свое доброе имя и избежать тюрьмы, но с чего начать? Как выяснилось, Инна ходила на курсы психологической поддержки, где слушательниц исподволь подталкивали на преступления. А ведущая тренингов Галина Шевчук недавно продала свою бессмертную душу в интернете – как бы дико это ни звучало! Она надеялась обрести удачу в бизнесе, но вместо этого получила лишь серьезные неприятности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111723-8

© Осинкина Р., 2020
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2020

Осень не бывает золотой?

А ты забей...

Кирилла Николаевича избили и ограбили. Зверски и цинично. Он неторопливо шел через выстуженную длинную арку, ведущую в неухоженный замоскворецкий двор, окруженный двух-, трех- и четырехэтажными, еще начала двадцатого века, с узкими бойницами вместо окон, доходными домами, как несколько то ли состарившихся подростков, то ли жилистых и мелких мужиков налетели на него и принялись деловито и сноровисто избивать. Молча, энергично, слаженно. Стопка зеленых денег вместе с бумажником перекечевала в вонючий карман одного из них, туда же последовал совсем новый смартфон и еще что-то уже по мелочи, и, попинав напоследок грязными кроссовками Кирилла в бок, банда растворилась в сумерках Щипковского переулка.

Подонки здорово отделали ему фасад, нос сломали, выбили два зуба, но еще и ребрам досталось, и, кажется, мозги тряхануло, когда его смачно ткнули в старую кирпичную кладку тоннеля. Ткнули так, что сырая штукатурка посыпалась вниз, попав ему за воротник.

Кирилл кое-как поймал тачку, а добравшись домой, вызволил с работы сына. Конечно, сына, не жену же. Только ее причитаний не хватало.

Срочно приехавший Андрюха уперся и вызвал неотложку. И доставил сюда, снабдив зубной щеткой, тапочками и старым мобильником. Он прав был, конечно, но так не хотелось всей этой суеты... И с финансами еще проблема. Что ж, придется жене раскошелиться, ничего не поделаешь. Она, конечно, привыкла жить за его счет, но в некоторых ситуациях нужно уметь наступить на свою скаредность.

Кириллу теперь пластику лица надо делать, как его там?.. Ринопластика, что ли. И зубы ставить. Не пластмассу же, елы-палы. А денег-то нет. Кирдыкнулись денежки. Кто бы подсказал, не ходил бы он там сегодня. Но не подсказали.

– Так я здесь и оказался, – морщась от боли, проговорил Кирилл Николаевич, завершая историю своих злоключений.

– Дела, – глубокомысленно протянул сосед по койке справа, по внешнему виду – инженер с бюджетного производства, мечтающий о ранней пенсии.

– Да что же это за жизнь такая! Простому человеку ступить нигде, уголовники шныряют повсюду! Куда только полиция смотрит?! – привычно взъярился сосед напротив.

– И на сколько же тебя, братан, нагрели? – поинтересовался коротко стриженный третий сосед, а второй тут же заткнулся.

– Супруге на шубу копил, – не сдержав горестного вздоха, качнул головой Кирилл Николаевич. – На норковую. Она мечтала.

О! Вот и жена звонит, легка на помине. Вот мы ее и разжалобим. А пусть распотрошит один из счетов, не обеднеет.

– Аллё! – вскричала Надежда в трубку. – Кирюшка, что случилось? Как ты? Я к тебе сейчас приеду! Что привезти?

Кирилл откинулся на подушку.

– Ничего не надо, ласточка, спасибо. Ты всегда так обо мне беспокоишься... Ну, ничего. Ну, точно. Ну, можешь минералочки. Есть все равно не могу, больно. Ну как, как? Что ты странные вопросы задаешь?.. Голова кружится, тошнит. Ну, где ж теперь этих подонков найдешь? Да ну, какая полиция, какая полиция?.. И сигарет не забудь. Что значит нельзя? Мне без сигарет нельзя!

Надежда немного успокоилась. Раз просит сигарет, значит, жить будет.

– Кирюш, а где ты машину бросил?

– А что? Зачем тебе? – раздраженно спросил Кирилл.

– Как зачем? – не поняла его Надежда. – Забрать же надо. Мне Андрейка сказал, что ты на частнике домой добирался. А машина где?

– Машина недалеко от того места, – сдержанно произнес Кирилл. – Я припарковался и пошел к бизнес-центру. У меня там переговоры должны были быть сегодня, да какая разница! Ты все равно не поймешь, а объяснять долго!

– Что я не пойму, Кирилл? – чуть холоднее спросила Надежда.

– Короче, не важно, где машина, – отрезал он. – Ты лучше приезжай давай, а то муж в больнице, а она время тянет. И сигареты привези, у меня три штуки осталось.

– Я приеду, приеду, не волнуйся, – и в ее голосе зазвучал легкий металл. – Кирилл, где машина, отвечай быстро.

– Ну, зачем тебе, Наденька? – заканючил примирительно муж. – Водить ты все равно не умеешь. Ключи я посеял. Видишь, выпали, когда... Ну, ты понимаешь.

– У меня запасные есть, – спокойно ответила Надежда. – А отогнать ее я кого-нибудь попрошу. Я слушаю. Говори. Если не хочешь без сигарет остаться.

Надежда Михайловна торопливо натягивала сапоги.

– Девочки, мне отлучиться надо. Примерно на часик. Если кто спросит, я на мобильном. Если из руководства спросят, скажите, что форсмажор в семье, потом все объясню.

Девочки – Оксана беленькая и Оксана черненькая – приторно улынулись, слаженно кивая. Они не любили начальницу. Впрочем, она не навязывалась. В подчиненных у Киреевой была как-то приятельница, почти подруга, просто неразлейвода. С тех пор Надежда усвоила, что дружба между начальницей и подчиненной – вредный миф.

Надежда Михайловна возглавляла патентный отдел на «Микротроне» уже лет шесть. И по-видимому, ее карьере приходил конец.

Киреевой, закончившей в свое время Бауманку и даже успевшей до перестройки поработать по инженерной специальности, теперь вряд ли удастся найти достойную работу, разве что курьером или расклейщиком объявлений. Научно-техническая корпорация, в которой Надя состояла на службе, недавно преобразовалась в торгово-промышленный холдинг, в котором новых разработок почти не предусматривалось, а для оформления патентов на изредка случающиеся инновации держать свой штат глупо. Их главный дураком не был.

Надежда не была молодым специалистом. Она была специалистом зрелым. Сорокадевятилетним зрелым специалистом без диплома патентоведа в качестве аргумента. Любая девчонка, вчера окончившая новомодный университет, один из тех, что за последние годы вылупились, как грибы после дождя, обойдет ее на собеседовании только потому, что она девчонка, и также потому, что предъявит эйч-ару новенькие корочки. Такие дела.

Однако что за история случилась с Кириллом? К его сказкам она давно притерпелась и, не морщась, проглатывала любую туфту. Но тут дело касалось ее машины, Надиной машины, поскольку с самого начала семейной жизни автомобиль в их семье покупался на Надежду, а муж Кирилл ездил по доверенности. И прежде чем доставить ему к больничной койке «Ессентуки» и «Кэмел», она решила проделать небольшой крюк и убедиться, что с ее имуществом все в порядке.

Так, собственно, оно и было. Имущество глянцево блестело в глубине старомосковского двора, впритирочку припаркованное к бордюрным камням кособокого тротуара. Это заставило Надежду призадуматься, поскольку картина происшедшего логически не прорисовывалась. Вот ее «Ауди», а во-о-он там, не меньше чем метрах в тридцати, темнеет арка подворотни. Зачем, позвольте поинтересоваться, понадобилось Кириллу туда возвращаться? Ведь именно там его настигли грабители!

Кстати, никакого здания, похожего на бизнес-центр, в этом глухом дворе не было. И в соседних дворах тоже. И по всему переулку. Хотя, возможно, таким пышным и звучным словом именovali какую-нибудь развалюху ее тщеславные хозяева?

– Эй, мадам, отойдите-ка от машины! – услышала Надя резкий окрик и сообразила, что «мадам» – это она.

Надежда повертела головой и увидела насупленного дядьку в куртке нараспашку и полосатой шапке «петушок», который решительными шагами направлялся в ее сторону.

– Оглохли? Я к вам обращаюсь. А ну, давайте, валите отсюда! Нечего тут...

– Но это моя машина, милейший, – улынулась ему Надежда, вовсе не обидевшись ни на тон, ни на обороты речи.

– А вот не гони, – отрезал мужик. – Кто ее хозяин, я знаю. И понятия знаю. Уж коли взялся присмотреть, то присмотрю. Я человек честный и за просто так деньги брать не буду.

– Я тоже знаю, кто ее хозяин. Он хозяин, а я хозяйка. Смотрите, что у меня есть. – С этими словами Надежда достала из сумочки пластиковый файл с ксерокопией техпаспорта на машину и свой паспорт тоже достала.

– Ну что ж, это другое дело, – сказал мужик, сдвинув шапку на затылок. – Забирайте. Вижу, что ваша.

– То есть вы тут сторож?

– Какой я тебе сторож?! – возмутился дядька. – Я художник, матрешек раскрашиваю, на Вернике по выходным продаю. Но, если попросят, почему бы за автомобилем не присмотреть? Такое время сейчас, на минуту оставить нельзя, в момент колеса снимут или неприличное слово нацарапают. Тем более что Кирилл Николаевич ко мне и по другим делам обращается.

– А по каким еще делам обращается к вам Кирилл Николаевич? – вкрадчиво спросила Надежда, заглядывая в расшитый бисером кошелечек.

Кирилл на фоне белой больничной наволочки выглядел даже хуже, чем она себе представляла. Здорово его отделали. Поделом. Тем не менее рожи корчит. Пока он еще не знает, что она знает, вот и строит оскорбленную морду.

Вчера Надежда так и не попала к нему в больницу. Могла, наверное, приехать, но не захотела. То, что она узнала от свободного художника Геннадия, присматривавшего за ее машиной, не особенно удивило, но осадок оставило чрезвычайно гадостный.

Геннадий время от времени сдавал квартирку ее благоверному. По запросу, так сказать. По требованию. Мог на сутки, мог на двое, иногда благоверному хватало и нескольких часов. Естественно, что не только ему одному сдавал, имелись и другие... нуждающиеся. Геннадию в жизни повезло, тетка покойная оставила по завещанию свою однушку. Хорошее подспорье, матрешками-то не прокормишься. Сам он проживал на том же этаже, только в соседнем подъезде.

А сегодня, как раз после обеда, произошел такой вот нехороший случай.

Вломились к Кириллу Николаевичу какие-то отморозки, не успел Николаич в квартирку войти, как вломились, ну и отделали. Сколько их было, свободный художник не в курсе, но, однако, отметили конкретное, по самое не хочу. Сначала раздавались крики всякие, возня, затем грохот послышался. Геннадий мало что разобрал через стенку, однако понял, предьява Николаичу была из-за бабы.

А самой бабы там не было, не входила баба в подъезд, это Гена отследил визуально, посредством кухонного окна. А поскольку отслеживал бабу, то какие мужики входили, он внимания не обратил. Кто-то, конечно, входил, но кто именно, он не запомнил.

Немного погодя, когда за стеной поутихло, сам Николаич вышел побитый. Пошел тачку ловить, поскольку на своей ехать не решился, голова у него кружилась, да и болело все. А Геннадия, который выбежал из своего подъезда, попросил за машиной присмотреть и денег дал тыщонку.

Надежда квартирку осмотрела. Геннадий сказал, что тут было все перевернуто, а стул так вообще сломан, и намекнул, что не помешала бы некая компенсация.

Надя мельком взглянула на него, и он заткнулся. В глаза ей бросилась коробка конфет-ассорти и небольшая фляжка коньяка – без форсу, так себе, средненько. Видимо, уже не новая барышня. И ключи от автомобиля нашлись тоже, на тумбочке в прихожей.

Не было, выходит, никаких грабителей-троллей, и через арку Кирилл не проходил. Вот прямо тут, в этих стенах, он и схлопотал от конкурента. Интересно, кто его решил проучить? Брошенный любовник или рогатый муж?

По Надиной статистике, Кирилл предпочитал водиться с дамами замужними, поскольку имел заблуждение, что с ними проблем будет меньше, в загс не потянут. Действительно, сильно заблуждался Кирюша. Обиженный муж тоже может стать большой проблемой.

Она вспомнила про деньги, которые у Кирилла отобрали мифические бандиты, и поняла, что даже историю собственного позора он решил припахать к вящей выгоде, списав их на боевые потери.

Куда в действительности исчезла немалая сумма, думать ей уже не хотелось, тем более что ответ болтался на поверхности.

И о чем теперь с ним разговаривать? Продолжать строить дурочку, неизвестно какую цель преследуя? Нет, ну, действительно, зачем? Стоит оно того? Если из-за сына, то Андрей уже вырос и мало интересуется жизнью предков, да и что в ней, в этой жизни, может быть, с его точки зрения, серьезного? Вяло текущая старость и смешные разборки у телевизора в виде споров, что нынче будем смотреть?

Когда Андрейка родился, Надя столкнулась с обидной несправедливостью семейной жизни. Муж сразу начал задержи-

ваться после работы, иногда за полночь возвращаясь домой, пьяным и беззаботным.

Надя искренне не понимала, как же так? Они так хотели ребенка, вот он, твой ребенок, а тебя не тянет домой? И ты мне даже не поможешь? Мне трудно одной справляться, ты не понимаешь?

Помочь больше было некому. Ее мама жила в другом городе и очень плохо себя чувствовала – большое сердце. Мать Кирилла умерла, когда тот был еще ребенком, а от свекра помощи ждать было смешно. Что до сестры Кирилла, Инны, то уж она-то вовсе была не обязана помогать Надежде и тратить на нее свое время.

В ответ на Надины несмелые претензии муж начинал тут же яриться и кричать, что не собирается «замыкаться в скорлупе». И не обязан. Наде казалось обидным, что они с Андрейкой – это «скорлупа», но потом она привыкла. Притерпелась. Андрейка рос, проблем делалось меньше, и Кирилл чаще стал появляться к ужину.

То, что муж хаживает налево, Надя определила рано. Что она при этом чувствовала, знает каждая женщина, прошедшая через такое, а какая не прошла, той и знать не надо. Тяжело. Тяжело, гадко, унизительно, стыдно...

Некоторые, сделав такое открытие, разводятся и потом в гордом одиночестве поднимают детей, работая на двух работах и быстро поняв, что личную жизнь теперь больше не устроить. Никогда. Нет времени, элементарно нет на эту самую личную жизнь времени, если ты, конечно, нормальная мать, а не шалава. Другие решают оставить все как есть и терпеть дальше. Надежда решила остаться.

Во-первых, она боялась, что, если они с Кириллом разведутся, то Андрюшина жизнь в детском социуме сделается трудной. Он будет чувствовать ущербность рядом с теми детьми, у которых есть и мама, и папа, а Надя не хотела, чтобы сын был ущербным. Во-вторых, ей перед ним было стыдно, и она покрывала мужа, как преданная секретарша, лишь бы Андрейка ничего про отца не заподозрил. Он и не заподозрил, Надя постаралась.

Кроме того, все взвесив, она решила, что ей самой нужен статус замужней дамы. К разведенным относятся с жалостью, с насмешкой, с подозрениями. Нехорошо относятся, иными словами.

И наконец, деньги, которые приносил в дом Кирилл, ей тоже были очень нужны, и она оставляла все как есть еще и из-за денег. Уже окончательно поняв, что за человек живет рядом с ней, она старалась вытянуть из него побольше для себя и для сына. Но парадокс — с годами доходы Кирилла росли, а его щедрость таяла. Он сделался расчетливым и своекорыстным, но Надя постепенно обзавелась хорошей прочной шкурой и почти не обращала внимания на его колкие комментарии, когда ей приходилось выклянчивать у него очередную энную сумму. Она подозревала, что в семью он отдает даже не половину. А возможно, что и не треть. Ну, хоть столько.

И еще. Она любила мужа. Надя до сих пор его любила. И ничего не могла с этим поделать. Сама себе она рисовалась практичной, циничной и абсолютно несентиментальной, но ничего не могла поделать с этим подневольным чувством. А может, она тосковала по прошлому? По себе молоденькой, девятнадцатилетней, по нему, которому только исполнилось восемнадцать? Когда каждая встреча была обещанием, залогом беско-

нечной радости и счастья. Никак не могла она забыть это головокружительное чувство, она даже дышала тогда счастьем, потому что они вместе, потому что нашли друг друга, потому что полюбили!..

Спустись на землю, Надя.

Спустил ее Кирилл.

– Ты специально так сделала, да? – начал он наезд, когда она приблизилась к его койке на достаточно близкое расстояние. – Тебе что, трудно было вчера сюда приехать? Какие такие у тебя могли быть срочные дела, когда муж в больнице? Сына бы постыдилась, что ли!

«Ого, – подумала Надежда, – что это он сразу шарахнул бронбойными? Так сильно не уверен в себе? Или, наоборот, так уверен?»

Она села поровнее на жестком больничном стуле, закинула ногу на ногу и сказала, изо всех сил уговаривая себя не волноваться.

– Кирилл, – сказала она, – я вчера с Геннадием говорила. Помнишь Геннадия? Кстати, там и ключи от машины нашлись.

Кирилл минуту смотрел на нее не мигая, а затем, сорвавшись с подушки, на которой только что возлежал в оскорбленном изнеможении, яростно зашипел, стараясь, однако, чтобы соседи по палате ничего не расслышали:

– Это ты виновата! Ты меня довела! От хорошей жены никто по бабам ходить не станет! А ты вечно всем недовольна, всю жизнь меня пилишь! Все я плохой, все не так делаю! А кто тебя обеспечивает, кто кормит? Ты же на мне паразитируешь! Ты посмотри на брюлики свои, вот эти цацки тебе кто накупил? Дрянь неблагодарная! А теперь она оскорбленную из себя